Эйприл Л. Френч

Майкл Бурдо и Центр по изучению религии и коммунизма в контексте защиты религиозной свободы (1959–1975)

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-1-216-243

April L. French

Michael Bourdeaux, the Centre for the Study of Religion and Communism, and the Defense of Religious Liberty, 1959–1975

April L. French — Brandeis University (USA). alfrench@brandeis.edu

In 1969, Anglican priest Michael Bourdeaux and his colleagues established the Centre for the Study of Religion and Communism (CSRC) — later Keston College — which is often mentioned as playing an important role in drawing attention to religious believers in the Soviet Union. Yet, its role has thus far not been analyzed extensively. This article considers the role played by Bourdeaux and his colleagues on the "religious front" of the Cold War, both before the establishment of the CSRC and in its early years. A historical contextual analysis of Bourdeaux's portrayals of internal church conflicts in the USSR in the 1960s indicates that his work occasionally reinforced a dichotomous conception of the Soviet Christian 'other' as either sufferer or collaborator. The article argues that from 1959 to 1975, an ever-increasing westward flow of Soviet samizdat from religious believers allowed Bourdeaux and his organization to disseminate largely accurate information about human rights violations in the Soviet Union to a wide audience of journalists, scholars, and Christian churches in the West.

Keywords: Cold War, human rights, dissent, religious liberty, Russian Orthodox Church, Evangelical Christians-Baptists, Michael Bourdeaux, Keston College.

Френч Э. Майкл Бурдо и Центр по изучению религии и коммунизма в контексте защиты религиозной свободы (1959–1975) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 216–243.

French, April (2017) "Michael Bourdeaux, the Centre for the Study of Religion and Communism, and the Defense of Religious Liberty, 1959–1975", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 35(1): 216–243.

В МАЕ 1974 года британское христианское издание «Life of Faith» («Жизнь веры») опубликовало краткую статью. В ней обсуждалось пристальное внимание советской прессы к Центру по изучению религии и коммунизма — британской организации, изучавшей главным образом нарушения прав верующих в СССР и странах Восточной Европы. В публикации упоминается статья «Агитатор», написанная А. В. Беловым и Д. А. Шилкиным, в которой, в частности, говорится:

> Центр по изучению религии и коммунизма ... служит местом сбора для воинствующих церковников во имя борьбы с коммунизмом... Не случайно во главе центра стоит Майкл Бурдо — клеветник и пасквилянт, автор нескольких книг и статей, которые дают искаженное представление о положении религии и церкви в социалистических странах. Именно из-за этого ВВС и радио «Свобода» пользуются услугами Бурдо и довольно часто передают его выступления, обращенные к советским слушателям[1].

Этот отчет свидетельствует не только о пристальном внимании советской прессы к своим западным коллегам и, наоборот, западной прессы — к советским публикациям периода разрядки, но также указывает на то, что к 1974 г. организации, существовавшей менее пяти лет, уже удалось вызвать гнев членов Коммунистической партии Советского Союза (далее — КПСС). Это неудивительно, учитывая склонность КПСС к мониторингу антикоммунистической и антисоветской деятельности зарубежных религиозных и правозащитных организаций[2]. Что нам известно о Центре по изучению религии и коммунизма (который стал известен как Кестон-колледж после своего переезда в Кестон в 1974 г.)? Были ли Белов и Шилкин правы, утверждая, что Центр вел войну с коммунизмом, и называя Бурдо, англиканского священника и основателя Центра, «клеветником и пасквилянтом»?

1. “Soviet Attacks on CSRC”, *Life of Faith*, 25 мая 1974, в архиве Кестонского центра по изучению религии, политики и общества (KCRPS), Box W-88.1 “Bourdeaux Writings and correspondence, etc.” / Folder “Writing — Life of Faith”. *Life of Faith*, видимо, получило эту информацию из Центра по изучению религии и коммунизма. Это обратный перевод с английского.
2. См. например: РГАНИ Ф. 5, Оп. 33, Д. 233 (1966-1968, об активизации враждебной СССР религиозной деятельности за рубежом); Ф. 89, Оп. 37, Д. 50 (1976, об инспирируемой на Западе антисоветской кампании против использования в СССР психиатрии в политических целях); Ф. 89, Оп. 32, Д. 13 (1979, о Ватикане); Ф. 89, Оп. 11, Д. 46 (1986, о Ватикане).

Хотя Бурдо и его организация часто упоминаются как привлекшие внимание к проблемам верующих в СССР, их роль так до сих пор и не была подробно исследована[3]. В данной статье рассматривается роль Майкла Бурдо и его коллег на «религиозном фронте» холодной войны, как до создания Центра, так и в первые годы его существования, вплоть до подписания Хельсинкских соглашений в 1975 г. Бурдо и Центр пытались определить фактическое положение верующих как в Советском Союзе, так и в остальной части Восточной Европы. В этой статье представлен краткий историко-контекстуальный анализ сочинений Бурдо, посвященных внутренним конфликтам в Русской православной церкви и Евангельских христиан-баптистов в шестидесятые годы. Непрерывно растущий поток советского религиозного самиздата на Запад позволил Бурдо и его организации привлечь внимание широкой аудитории журналистов, ученых и членов христианских церквей к нарушениям прав человека в СССР.

В этой статье утверждается, что Бурдо и его молодая организация распространяли на Западе, как правило, правдивую информацию о нарушениях прав верующих в Советском Союзе и в странах Восточной Европы. Хотя эта информация частично способствовала распространению неполной, дихотомической концепции «другого», то есть советского христианина, как либо страдальца, либо приспособленца, Бурдо и его коллеги были непоколебимы в своей миссии — служить «голосом» верующих из коммунистических стран.

Майкл Бурдо и ранний период существования Центра

Центр по изучению религии и коммунизма (позже известный как Кестон-колледж) был учрежден в качестве независимой образовательной организации в 1969 году[4]. Будучи независимой организацией, он имел гораздо более широкий охват по сравнению с международными конфессиональными организациями, такими как, например, Всемирная лютеранская федерация. Кроме того, хотя

3. Среди недавних исключений –Hurst, Mark (2016) “From Toothache to Keston, via Moscow: Michael Bourdeaux and the Centre for the Study of Religion and Communism”, *British Human Rights Organizations and Soviet Dissent, 1965–1985,* pp. 115–46. London: Bloomsbury; Leuhrmann, Sonja (2015) “Counter-Archives: Sympathy on Record”, in *Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge*, pp. 134–161. New York: Oxford University Press, 2015.
4. Ксения Деннен, интервью с автором, Лондон, 2 сентября 2016.

у него и был целый ряд религиозных покровителей, в том числе следующие друг за другом архиепископы Кентерберийские и архиепископы Вестминстера, а также Иммануил Якубович, главный раввин Соединенного Королевства[5], его исследователи не подвергались давлению со стороны множества учредителей, имеющих противоположные политические взгляды, как это часто происходило, например, со Всемирным советом церквей (ВСЦ)[6].

История создания этой организации начинается с Майкла Бурдо (1934 г.р.), получившего степень бакалавра (1957) по программе изучения России и Франции (Russian and French studies), а также степень магистра теологии (1959), обе в Оксфордском университете. В 1959 г. Бурдо отказался от возможности провести год в Сербии в рамках Всемирного совета церквей ради того, чтобы оказаться в составе первой группы наспех собранных аспирантов, отправленных в Советский Союз Британским советом на основании недавнего соглашения о культурном обмене между двумя странами. Из семнадцати британских студентов по обмену Бурдо был единственным, кто интересовался русской историей, вопросами прав человека и Русской церковью[7]. Вскоре после прибытия в Москву, где он остановился в общежитии МГУ, он приобрел самое первое издание журнала «Наука и религия», который он назвал «флагманом антирелигиозной кампании». Он читал каждый новый номер, вышедший в том году. Вот слова самого Бурдо о времени, проведенном в Москве:

> Я оказался в Москве ... в то самое время, когда Хрущев запускал свою антирелигиозную кампанию. А что об этой кампании знал мир? Абсолютно ничего. Мне сказали — и это было единственным, что мне сказали — что с Хрущевым дела идут лучше, что он стал новым лицом Советского Союза.... Мне потребовалось немало времени ... чтобы осознать всю серьезность антирелигиозной кампании.... Что я знал об антирелигиозной кампании в 1959 году? ... [Если за-

5. Майкл Бурдо, интервью с автором, Иффли, 6 сентября 2016. Эти покровители не предоставляли финансовой поддержки, но их имена упоминались в некоторых публикациях Центра и Кестон-колледжа.

6. См., например, Gill, Jill K. (2003) "The Decline of Real Ecumenism: Robert Bilheimer and the Vietnam War", *The Journal of Presbyterian History* 81(4): 242–63; Lodberg, Peter (1999) "World Council of Churches", *Kirchliche Zeitgeschichte* 12(2): 527–36; Ucko, Hans (2010) "Ecumenism and Interreligious Dialogue", in Leo Kenis, Jaak Billiet, and Patrick Pasture (eds) *The Transformation of the Christian Churches in Western Europe (1945–2000),* pp. 221–35. Leuven: Leuven University Press.

7. Интервью с Бурдо (2016).

> глянуть в] мой дневник того времени, действительно странно, как мало я знал ... хотя религия в России была тайной областью моих исследований[8].

Те явления религиозной жизни, которые Бурдо мог наблюдать в Москве, распалили его любопытство и побудили к дальнейшим исследованиям. По возвращению в Англию в 1960 г. он был рукоположен в англиканской церкви и начал работать в качестве приходского священника в графстве Миддлсекс, в Северном Лондоне. В 1961 г. вышла его первая статья в *The Observer*, где он описал свои наблюдения, сделанные во время общения с молодыми христианами в Советской России[9]. В том же году он снова посетил Советский Союз, приехав на Британскую торговую ярмарку в Москве. К 1964 г. Бурдо завершил рукопись книги о религии в Советском Союзе, которую один издатель был готов опубликовать при условии, что она будет дополнена более актуальными сведениями. Примерно в это же время профессор Николай Зернов (1898–1980) попросил Бурдо приехать в Оксфорд, где показал ему несколько писем на русском языке, только что полученные по каналам связи с русскими эмигрантами в Париже. Письма — свидетельства очевидцев, написанные для верующих на Западе двумя женщинами по фамилиям Варавва и Пронина, — подробно описывали ситуацию, с которой столкнулись монахи Почаевской Лавры на Украине. Бурдо вспоминает, что, прочитав письма, он подумал про себя: «Нельзя просто сидеть в приходе и ждать, пока что-то случится. Я должен начать что-то делать»[10].

В августе 1964 г. Бурдо воспользовался другой возможностью посетить Москву с группой американских туристов. В первую же ночь в Москве он поехал взглянуть на руины недавно уничтоженного Храма Преображения Господня[11]. Там он заметил двух женщин, пытавшихся сквозь наспех возведенный забор увидеть руины. Бурдо подошел к женщинам, чтобы спросить, что здесь

8. Там же. Историю ранних стадий антирелигиозной компании (1958–1964), как они касались Совета по делам РПЦ, см. *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие, 1941–1961 гг. Москва: АИРО-XX, 1999.
9. Bourdeaux, Michael (29 Jan 1961) “A Student in Moscow: Russia’s Young Christians”, *The Observer*, KCRPS, Box W-88.1 / Folder “Writing: Observer”.
10. Интервью с Бурдо (2016).
11. Эта церковь была разрушена 18 июля 1964 года под предлогом строительства Кировской линии Московского метрополитена. Недавно она была восстановлена. Патриарх Кирилл освятил новый храм в мае 2015 года.

произошло. Когда они поняли, что он был иностранцем, который хотел узнать больше о положении верующих в Советском Союзе, они попросили его следовать за ними. Как только они приехали в дом на окраине Москвы, завязалась беседа. Как оказалось, обе женщины в тот день приехали в Москву из Украины в поисках иностранца, которому они могли бы рассказать о ситуации в Почаевской Лавре. Это были те самые Феодосия Варавва и ее подруга, Анастасия Пронина! Они отдали Бурдо свои новые письма, и он спросил, что еще он мог бы сделать для них, на что они ответили: «Будь нашим голосом. Говори за нас»[12]. Считая это явным случаем божественного вмешательства, Бурдо вспоминает:

> Это стало ведущим принципом моей жизни: говорить не своим, а их голосом. Это было кредо, из которого несколько лет спустя родился Кестон: объективно и справедливо представлять доносившийся из Советского Союза голос, который я слышал все отчетливее. Там и тогда я решил, что должен отказаться от своей работы в приходе. Если Бог столь ясно показал мне, что я должен делать, я должен принести жертву[13].

Когда Бурдо вернулся в Лондон, он уволился с работы и закончил свою книгу, *Opium of the People*. В конце этой работы, опубликованной в 1965 г., он анализировал отношения между ВСЦ и Русской Православной Церковью, критикуя редакторов бюллетеня ВСЦ «Текущие процессы в Восточноевропейских церквах» (Current Developments in the Eastern European Churches) за неспособность отреагировать на «единственный ‘текущий процесс’ чрезвычайной важности, важнейший с момента выхода в свет первого номера бюллетеня [1959 г.]: новые гонения, которым в настоящий момент подвергаются христиане в России». И далее: «Чтение о масштабах антирелигиозной пропаганды не должно заменять поиска фактов о реальном положении дел»[14]. В заключе-

12. Интервью с Бурдо (2016).

13. Там же.

14. Bourdeaux, Michael (1965) *Opium of the People*, p. 230. L.: Faber & Faber. Эта ранняя критика ВСЦ ставит под сомнение утверждение Марка Хёрста (Hurst, M. “From Toothache to Keston, via Moscow”, p. 141) о том, что Бурдо не выступал против ВСЦ вплоть до своей лекции им. сэра Дэниэла Стивенсона в Королевском институте международных отношений в Лондоне в октябре 1984 г. Напротив, лекция стала тем моментом, когда напряжение между Бурдо/Кестон колледжем и ВСЦ достигло пика. Bourdeaux, Michael (1985) “The Russian Church, Religious Liberty, and the World Council of Churches”, *Religion in Communist Lands* 13(1): 4-27.

ние Бурдо подверг жесткой критике советскую политику в отношении религии:

> Гонения, которыми в настоящее время пытаются искоренить организованную религию в СССР, являются величайшим пятном на репутации нации, у которой есть множество замечательных качеств и бесконечный потенциал... Советское правительство хочет иметь фантомную Церковь: без последователей внутри СССР, но обладающую мощными международными связями, которые можно использовать для поддержки советской стратегии. Мы должны дать им понять, что разгадали их планы, и мы не впечатлены[15].

Хотя западные читатели отнеслись к этой книге довольно благосклонно, у нее нашлись и критики. Среди них был Патриарх Алексий I, написавший открытое письмо архиепископу Кентерберийскому, Артуру Майклу Рамсею, с жалобой на то, что Бурдо «фальсифицирует и извращает положение религии и церковную жизнь в СССР»[16]. Хотя Бурдо и не знал об этом в то время, но его громкие заявления против Советского государства и иерархов Русской православной церкви из этой книге привели к его «пожизненному отстранению от прямого, непосредственного участия в экуменических процессах»[17].

Тем не менее, книга *Opium of the People* привлекла к Бурдо внимание других людей на Западе, которые интересовались положением религии за железным занавесом. По предложению Пола Б. Андерсона (1894–1985, бывший редактор парижской ИМКА-Пресс и основатель американского ежеквартального журнала *Religion in Communist Dominated Areas*), только что прочитавшего книгу Бурдо, американский ученый Уильям Флетчер (1932–2014) пригласил Бурдо на неполную ставку исследователя в своей новой организации, *Centre de Recherches et d'Etude des Institutions Religieuses* (Центр исследований религиозных институтов) в Же-

Газентный репортаж и публичную дискуссию в виде писем в редакцию после лекции Бурдо 1984 г. см. KCRPS, Box W-86.1 "Keston Institute general files about center (1984–2005)" / GEN 15/11 Centre for the Study of Religion & Communism, Folder 7 of 7.

15. Bourdeaux, M. *Opium of the People*, pp. 232–233.

16. Письмо Святейшего Патриарха Алексия д-ру Артуру Майклу Рамсею, Архиепископу Кентерберийскому, Примату всей Англии и Митрополиту // Журнал Московской Патриархии. 1966. N 6: 3.

17. Майкл Бурдо, неизданные мемуары, предоставленные Бурдо автору в 2015.

неве. Бурдо работал в этой организации удаленно, из Лондона, на условиях неполной занятости, в качестве специалиста по Советскому Союзу. Его работа заключалась в чтении сотен материалов советской прессы: толстых журналов и провинциальных газет, — их систематического обобщения и перевода наиболее важных публикаций. Это была кропотливая работа. Несмотря на сомнения Бурдо по поводу того, стоит ли полагаться на антирелигиозную пропаганду как надежный источник информации, эта работа дала ему еще более ясное понимание того, как советские и партийные чиновники видели и изображали верующих[18].

К 1966 г. самиздат евангельских христиан-баптистов уже начинает пробивать себе дорогу на Запад. Флетчер познакомил Бурдо с одним из самых первых документов. Они резко разошлись во мнениях о том, как нужно относиться к самиздату. Флетчер сомневался, можно ли использовать его вообще, но Бурдо, который был в состоянии проверить подлинность некоторых из баптистских историй по советской прессе и лично встречался с авторами протестных писем о Почаевской лавре, утверждал, что игнорировать «новую и волнующую информацию, поступающую от баптистов», или ситуации, подобные тем, с которыми сталкивались монахи Почаевской Лавры, означало бы упустить возможность составить себе полное представление о том, что на самом деле происходит[19].

Несмотря на общее мнение, что антирелигиозная кампания была официально прекращена с приходом к власти Л.И. Брежнева в октябре 1964 г., нарушение прав так называемых «сектантов» — особенно тех, кто не был официально зарегистрирован, — продолжалось еще долго. В начале 1967 г. Бурдо, получавший все больше самиздата от советских баптистов, попросил Ксению Говард-Джонстон (1944 г.р., недавно окончившую Оксфорд по специальности «Русский язык») помочь ему

18. Интервью Бурдо (2016).

19. Там же. Обсуждение того, как использовать самиздат, шло на протяжение нескольких лет. В 1971 г. на радио «Свобода» в Лондоне состоялся круглый стол, в ходе которого Майкл Бурдо, Питер Реддуэей и Леонард Шапиро (а также некоторые другие, в том числе исследователь Макс Хейворд) обсудили то, как именно следует обрабатывать и распространять массовый приток самиздата от диссидентов из СССР. Это обсуждение привело к появлению ставшего известным «Архива самиздата". Boiter, Albert (1972) "Samizdat: Primary Source Material in the Study of Current Soviet Affairs", *The Russian Review* 31(3): 282–285. Запись этого круглого стола под названием "The Future of Samizdat: Significance & Prospects" доступна в архиве KCRPS, Box W-88.1, Folder "Writing: Radio Liberty General Correspondence".

обрабатывать документы и переводить их для возможной публикации. Они вдвоем приступили к работе над материалами самиздата, включая всю стенограмму судебного процесса 1968 г. над Аидой Скрипниковой. Стенограмма представляла собой несколько длинных исписанных от руки полос ткани, которые, должно быть, тайно были вывезены из Советского Союза обмотанными вокруг пояса иностранца[20]. Бурдо и Говард-Джонстон опубликовали плоды своего труда в четырех книгах[21].

Тем временем Бурдо установил связь с сэром Джоном Лоуренсом (1907–1999, дипломатом, который провел несколько лет в Советском Союзе и внес важный вклад в создание Европейского отделения Всемирной службы BBC в 1939 г.), Питером Реддуэйем (1939 г.р., в то время молодым преподавателем Лондонской школы экономики и специалистом в области зародившегося советского диссидентского движения) и профессором Леонардом Шапиро из Лондонской школы экономики (1908–1983, специалистом по советскому коммунизму). В 1969 г. Бурдо встретился с Лоуренсом, Реддуэйем, Шапиро и Говард-Джонстон, и они приняли решение создать независимую организацию в Великобритании, которая будет заниматься изучением религии в Советском Союзе. Бурдо вспоминал: «я был абсолютно убежден, что идея объективного изучения религии в России ... хороша, однако [Флэтчер] пошел в неправильном направлении»[22]. Пять основателей составили первоначальный Совет по управлению организацией, с сэром Джоном Лоуренсом во главе; устав был утвержден в 1970 г. Новая организация начала свою работу с очень ограниченным бюджетом. Бурдо, который был назначен директором Центра, и Говард-Джонстон работали за кухонным столом у него дома в Чизлхерсте (Лондон), а жена Бурдо Джиллиан (ум. в 1978 г.) по возможности подрабатывала у них секретаршей и помощницей[23]. Бурдо и Го-

20. Там же; Деннен, интервью (2016).

21. Bourdeaux, Michael (1968) *Religious Ferment in Russia: Protestant Opposition to Soviet Religious Policy*. London: Macmillan; Howard-Johnston, Xenia and Harris, Rosemary (ed.) (1969) *Christian Appeals from Russia*, with an introduction by Michael Bourdeaux. London: Hodder and Stoughton; Bourdeaux, Michael (1971) *Faith on Trial in Russia*. New York: Harper & Row; Howard-Johnston, Xenia and Bourdeaux, Michael (ed.) (1972) *Aida of Leningrad: The Story of Aida Skripnikova*. London: Mowbrays.

22. Бурдо, интервью (2016)

23. В конце 1967 г. Ксения Говард-Джонстон отправилась на обучение в Лондонскую школу экономики, чтобы получить степень магистра по направлению «российская политика», тогда же она стала работать на полставки на Майкла Бурдо и по совместительству на Леонарда Шапиро. Она работала с ними до 1981 г., ко-

вард-Джонстон в годы обдумывания и планирования идеи Центра читали многочисленные изнуряющие лекции, путешествуя по всей Великобритании, чтобы, общаясь с церковными и университетскими группами и делясь с ними историями, собранными при обработке материалов самиздата, заручиться нужной для организации поддержкой[24].

В течение пяти лет, предшествовавших основанию Центра, Бурдо работал как независимый публицист, освещая ухудшение положения верующих в Советском Союзе и Восточной Европе. В ситуации, когда среди ученых доминировала теория секуляризации, в силу чего эти ученые игнорировали значимость религии как таковой, когда такие организации, как Всемирный совет церквей, делали программные заявления о религиозной свободе, но не занимали никакой официальной позиции по поводу нарушений прав человека в СССР, это было сложной задачей[25]. Только в 1968 г. Бурдо подготовил двадцать семь отдельных радиопередач о религии в СССР на радио «Свобода». Они были переведены на русский и транслировались на Советский Союз по радио «Свободная Европа» каждые две недели, чередуясь с другой программой — отца Александра Шмемана (1921–1983)[26]. Учитывая явно антикоммунистический характер радио «Свободная Европа», эти радиопередачи были одной из причин, по которым коммунистические чиновники считали Бурдо «клеветником и пасквилянтом». Он также написал и представил сотни статей для десят-

гда родила первого ребенка. Несмотря на то, что она покинула должность в Кестон-колледже, Ксения Говард-Джонстон осталась членом Совета учредителей Кестона, а в 2002 году возглавила Кестонский институт. Деннен, интервью (2016).

24. Там же.

25. О многочисленных программных заявлениях ВСЦ о религиозной свободе в 1968 г. см.: Wood, James E. Jr. (1968) “Religious Liberty in Ecumenical and International Perspective”, *Journal of Church and State* 10(3): 421–36. Нарастающую критику влияния Русской православной церкви в ВСЦ в эпоху Холодной войны, включая обвинения в том, что ВСЦ подвергается манипуляциям, направленным на то, чтобы удержать Совет от занятия публичной позиции по поводу нарушений прав верующих, см. Simon, Gerhard (1974) *Church, State, and Opposition in the USSR*, translated by Kathleen Matchett in collaboration with the Centre for the Study of Religion and Communism (Berkeley: University of California Press), pp. 117–125; Cviic, K.F. (1979) “The Politics of the World Council of Churches”, *The World Today* 35(9): 369–376; Lefever, Ernest (1979) *Amsterdam to Nairobi: The World Council of Churches and the Third World*. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center; Lefever, Ernest (1988) *Nairobi to Vancouver: The World Council of Churches and the World, 1975–1987*. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center.

26. Майкл Бурдо, электронное письмо автору, 16 ноября 2016; KCRPS, Box W-88.1, Folder: “Writings: Radio Liberty 1968”.

ков религиозных и светских периодических изданий; некоторые из них никогда не были опубликованы. С конца шестидесятых до начала семидесятых годов он вел полурегулярную переписку с такими газетами, как *The New York Times*, *The Observer*, *The Daily Telegraph* и *The Guardian*. Некоторые из этих газет публиковали его статьи или включали полученную от него информацию в свои редакционные колонки[27]. В 1972 г. *The Sunday Telegraph* напечатала статью Бурдо и соавторов: «впервые в истории появил[ся] столь пространный доклад на тему христианства в СССР» в крупной газете. По мнению Бурдо, публикация этой статьи стала знаком того, «что западный мир наконец начинает понимать, сколь важную роль продолжает играть религия в России»[28].

В том же году Совет управления Центра предложил Говард-Джонстон стать редактором нового журнала, *Religion in Communist Lands*, первый номер которого вышел в начале 1973 г.[29] В своей первой редакторской колонке Говард-Джонстон написала:

> Центр надеется, что *Religion in Communist Lands* будет играть важную образовательную роль и что он станет площадкой для презентации и обсуждения *всех* аспектов религиозной ситуации в коммунистических обществах — как позитивных, так и негативных. Центр является научно-исследовательской организацией, не придерживающейся конкретной точки зрения; он стоит вне политики и независим от конфессиональной принадлежности[30].

Действительно, все, кто принимал участие в работе Центра (а потом и Кестон колледжа) в первые годы его существования, настаивают на том, что их организации была, прежде всего, внепо-

27. KCRPS, Box W-88.1: “Bourdeaux Writings and correspondence, etc.”

28. Bourdeaux, M. *Aida of Leningrad*, p. 109. Бурдо написал эту статью (“Martyrs of Religious Protest”, *Sunday Telegraph*, 28 May 1972) в соавторстве с пятью другими людьми; она была перепечатана в издании: Howard-Johnston, K. and Bourdeaux, M. (ed.) *Aida of Leningrad*, pp. 109–120.

29. Деннен, интервью (2016). Этот журнал существует до сих пор. Его нынешнее название *Religion, State and Society*.

30. Howard-Johnston, Xenia (1973) “Editorial”, *Religion in Communist Lands* 1(1): 6. Деннен (интервью, 2016) признает, что работа, которую они вели «от имени верующих, была политизирована … коммунистическими властями … [потому что] … каждый аспект в коммунистическом обществе политизирован, так что любое выражение поддержки группе, которую власти не одобряют, рассматривалось как политический акт. Но с нашей точки зрения [наша деятельность] была просто поддержкой религиозной группы».

литическим объединением, которое взяло на себя обязательство распространять хорошо проработанную, объективную научную информацию — несмотря на постоянные обвинения в пропаганде крайне идеологизированной «точки зрения»[31]. Ксения (Говард-Джонстон) Деннен, возглавляющая сейчас Кестонский институт, рассказывает, что Центр по изучению религии и коммунизма был фактически создан как «гибрид» с двумя целями. Во-первых, научная цель формулировалась как изучение «религии в коммунистических странах»; она выразилась в решимости членов Центра как можно основательнее опираться на «документальные свидетельства» и «создавать архив». Во-вторых, члены Центра ставили целью «популяризацию»; эта цель воплотилась в распространении актуальной информации Кестонской новостной службой (*Keston News Service*, основана Бурдо в 1974 г.), а также в дополнительных публикациях, лекциях и радиоинтервью[32].

Religious Ferment in Russia («Частица религиозной России») и *Patriarch & Prophets* («Патриарх и пророки»): историко-контекстуальный анализ

В конце шестидесятых годов, незадолго до создания Центра, Бурдо опубликовал две книги: *Religious Ferment in Russia* (1968, о евангельских христианах-баптистах) и *Patriarch & Prophets* (1969, о Русской Православной Церкви)[33]. Поскольку в обеих книгах обсуждаются внутрицерковные конфликты, которые были вызваны, прежде всего, антирелигиозной кампанией Хрущева, но продолжились и после, краткий историко-контекстный анализ этих работ позволит оценить, насколько успешно и точно Бурдо представил ситуацию, сложившуюся в то время в Советском Союзе. Критически важными для этого анализа являются: (а) разнообразие и типы документов, опубликованных в книгах, (б) то, как советские внутрицерковные конфликты были изображены или истолкованы, и (с) историческая оценка каждой книги с точки зрения точности и полноты.

31. Hurst, M. “From Toothache to Keston, via Moscow”, pp. 126–128; Бурдо, интервью (2016); Деннен, интервью (2016); Филипп Уолтерс, интервью Марку Хёрсту, 19 мая 2010, in Hurst, M. “From Toothache to Keston, via Moscow”, p. 127.

32. Деннен, интервью (2016).

33. Bourdeaux, M. *Religious Ferment*; Bourdeaux, Michael (1969) *Patriarch and Prophets: Persecution of the Russian Orthodox Church Today*. London: Macmillan.

Книга «Частица религиозной России» была попыткой Бурдо осмыслить положение евангельских христиан-баптистов, прошедших через публичный всесоюзный церковный раскол в начале-середине шестидесятых годов. В книге прослеживается история этого внутреннего разногласия с 1960 по 1966 гг., когда группа позднее возглавившая структуру Совет церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ, также известная как Инициативная группа, или Организационный комитет (оргкомитет), или так называемые прокофьевцы) выступила против официального Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), а потом и вовсе отделилась от него[34]. В «Патриархе и пророках» Бурдо исследовал историю преследований православных мирян и духовенства с середины 1950-х до 1967 года; при этом он выделил некоторые особенно крупные внутренние разногласия, которые настроили часть православной интеллигенции и духовенства против Московского Патриархата. Эти расколы вскрылись в 1965 г. благодаря письмам священников Глеба Якунина (1936–2014) и Николая Эшлимана (1929–1985), которые вместе с Анатолием Красновым-Левитиным (1915–1991), Борисом Талантовым (1903–1971) и епископом Ермогеном (1896–1978) сыграли в книге Бурдо роль пророков — «страстных голосов тех, кто ищет новые пути»[35]. Бурдо пишет, что обе эти книги «были задуманы вместе, они возникли в результате зверской политики, которую советское правительство начало проводить против религии в последние годы правления г-на Хрущева»[36].

Каждая книга состояла в основном из цитат, взятых из трех основных типов источников: 1) советской и партийной печати и пропаганды; 2) документов и заявлений официальной церкви; 3) самиздатовских материалов, подготовленных теми, кто находился в оппозиции к официальной церкви в виду ее предполагаемого соучастия в деятельности государственных чиновников по религиозным вопросам, которые отказывались при-

34. Исторический обзор этих разногласий см. в работе: Синичкин А.В. История евангельских христиан-баптистов в СССР с декабря 1959 по 1966 год (История и анализ кризиса в братстве ЕХБ). Дипломная работа. Москва: Московская Богословская Семинария Евангельских христиан-баптистов, 2001.

35. Bourdeaux, M. *Patriarch and Prophets*, p. 11. Устаревшее, но качественное историческое исследование этого конфликта см. в работе коллеги Бурдо, Джейн Эллис: Ellis, Jane (1986) *Russian Orthodox Church: A Contemporary History*. Bloomington: Indiana University Press.

36. Bourdeaux, M. *Patriarch and Prophets*, p. 11.

знавать страдания тех, кто, якобы, находился под их опекой. В «Частице религиозной России» в основном приводились цитаты из центральных и провинциальных газет, но самиздатовские материалы (часто полученные через самиздатовский журнал СЦ ЕХБ «Братский листок» и журнал русских эмигрантов «Посев») тоже были широко представлены[37]. Заявления ВСЕХБ использовались, но в значительно меньшем объеме. Бурдо говорит об этом дисбалансе в предисловии, где выражает «сожаление» о том, что пока ему не удалось обнаружить больше заявлений со стороны официального руководства и что он может рассчитывать только на подцензурное издание «Братский вестник», которое, по понятным причинам, занимает «очень смазанную» позицию по сравнению с СЦ ЕХБ, которых он в книге называет «реформаторами» (*reformers*). Бурдо выражает надежду, «что вскоре сочувствующие официальному руководству смогут описать истинное положение дел со всей открытостью»[38]. В «Патриархе и пророках» Бурдо опирается уже скорее на самиздатовские материалы (некоторые из них были приобретены у эмигрантского журнала «Вестник русского студенческого христианского движения»), чем на советскую и партийную прессу или на журналы вроде «Науки и религии». Опять же, заявления Московского Патриархата представлены в меньшей степени, при этом основная их часть взята из официального подцензурного «Журнала Московской Патриархии». Говоря об этом дисбалансе, Бурдо пишет:

> Проблема сбалансированного представления двух позиций оказалось нерешаемой. В этой книге дана возможность звучать новым голосам: ведь в других местах у них нет возможности быть полностью услышанными, тогда как официальные лица Патриархии имеют возможность выступать на больших конференциях духовенства по всему миру. Московская Патриархия не смогла использовать свое привилегированное положение для сколько-либо адекватного обсуждения внутренних процессов церковной жизни. Попытка

37. Несмотря на сотни газетных цитат, Бурдо, по сути, изучил множество небольших выдержек из пятнадцати- двадцати статей из различных центральных и провинциальных газет. См. Bourdeaux, M. *Religious Ferment*, pp. 125–53, 239–43. Связь Бурдо с организацией Флетчера, вероятно, облегчала ему доступ к советской и партийной печати, используемой в обеих книгах

38. Ibid., p. x.

> сделать это поставила бы под угрозу сам фундамент ее отношений с государством[39].

Поскольку каждая из этих книг в значительной степени состоит из выдержек или же полнотекстовых цитат из документов, можно предположить, что собственное мнение Бурдо достаточно приглушено, однако его интерпретация историй внутренних конфликтов, запечатленных в документах, просматривается в каждой работе[40]. Называя представителей СЦ ЕХБ «реформаторами» и намекая на то, что православные диссиденты это «пророки», он тем самым высоко оценивает тех, кто одновременно критикует как репрессирующее верующих государство за нарушение его же собственных законов, так и официальную позицию церкви, которая предстает как сговор с государством. Несмотря на то, что Бурдо уважал диссидентов за мужество, он также понимал, что ситуация на местах была, вероятно, более сложной и менее однозначной, чем это могло быть отражено в имеющихся у него документах или же во враждебной антирелигиозной пропаганде. Например, в «Частица религиозной России» он пишет:

> Любая церковь, существующая в коммунистической стране (или, если на то пошло, в индустриализированном западном обществе ...) существует в ситуации большего или меньшего компромисса. Поэтому мы не хотим выносить никаких моральных суждений по поводу тех компромиссов, на которые пошли российские церковные лидеры ради того, чтобы организованная христианская жизнь могла продолжаться в их стране. Мы хотим лишь предоставить доказательства того, что высказывания в «Братском вестнике» могут скрывать подводные течения мысли, по поводу которых у нас нет информации. Любое заявление в этом издание будет прочитано не только верующими, но и коммунистическими властями. По этой причине эти заявления не могут производить одинаковые впечатления как на тех, так и на других[41].

Сходным образом Бурдо начинает свою книгу о православной церкви:

39. Bourdeaux, M. *Patriach and Prophets*, p. 12.

40. В работе *Religious Ferment* позиция Бурдо выражена более явно, так как это была его диссертация (Oxford University BD, 1969).

41. Bourdeaux, M. *Religious Ferment*, p. 41.

> В Ветхом Завете существовал длительный конфликт между официальной культовой религией, персонифицированной в фигуре священника, и пламенным призывом к покаянию, исходящим от пророка. Это был не драматически однозначный выбор между добром и злом, но творческое напряжение, в котором оба элемента были необходимы для формирования еврейского религиозного сознания... Мы считаем, что этот конфликт [в Русской православной церкви] тоже является творческим и что, в конечном счете, как баптисты, так и православные придут к тому, что ничья позиция не должна полностью исключать другую, если церкви суждено играть полноценную роль в развитии общества[42].

Если учесть ограниченность источников, которые Бурдо мог изучить и опубликовать в конце шестидесятых годов, а также отсутствие у него доступа к государственным и партийным архивам, то он проделал замечательную работу по реконструкции истории внутренних конфликтов, раздиравших Баптистскую и Православную церкви. Его понимание эволюции советского законодательства о религии, понимание проблем, с которыми многие общины сталкивались при получении официальной регистрации, и даже некоторых внутренних документов, которые стали доступны в полном объеме лишь десятилетия спустя, действительно впечатляет[43]. В последующие годы Бурдо и его коллеги будут иметь еще больше сведений о религии в Советском Союзе. Но уже в конце шестидесятых годов, опираясь на самиздатовские материалы из СССР, он понял, что «Инструкция» старшим пресвитерам ВСЕХБ (ратифицирована в декабре 1959 г. и рассылалась по общинам пастве в 1960 г.) и Архиерейского собора Русской Православной Церкви 1961 г. были результатом манипуляций и внешнего давления на официальных лидеров со стороны, вероятнее всего, государственных чиновников из Советов по делам РПЦ и религиозных культов. Кроме того, документы, полученные от советских верующих в шестидесятые годы, еще больше

42. Bourdeaux, M. *Patriarch and Prophets*, p. 11.

43. Одним из таких внутренних документов является «Инструктивное письмо старшим пресвитерам ВСЕХБ». Большинство западных исследователей, включая Бурдо, вынуждены были опираться на извлечения из этого документа, напечатанные в самиздатовском журнале СЦ ЕХБ «Братский листок». Полный текст этого спорного документа не был известен на Западе до начала 1970-х гг.: Всесоюзный Совет ЕХБ, «Инструктивное лист старшим пресвитерам», Архив самиздата т. 14, № 773 (1973).

убедили Бурдо в том, что советское законодательство о религиозных организациях было крайне противоречивым. В законе были закреплены гарантии свободы совести, но в то же время за его кодификацией и применением стояло намерение дискриминировать верующих, что было в значительной степени неудачной попыткой заставить их жить в соответствии с идеологией[44].

Книги «Частица религиозной России» и «Патриарх и пророки» ставили перед собой цель - осветить ту ситуацию, в которой многие советские верующие оказались в шестидесятых годах. Учитывая тон и содержание протестных писем, написанных религиозными диссидентами, книги, несмотря на попытки Бурдо внести нюансы в эту картину, рисуют образ «другого», то есть советского христианина, как либо страдальца, либо приспособленца. И, как Бурдо и предполагал, реальность оказалась гораздо более сложной, чем эта неполная дихотомическая концепция советского верующего. Справедливости ради стоит отметить, что, поскольку, например, баптисты из официально зарегистрированных церквей редко посылали самиздатовскую литературу на Запад, а представители официальных церквей (как православные, так и баптисты) публично опровергали (или демонстративно игнорировали) государственные репрессии против своих единоверцев[45], людям на Западе было крайне сложно составить полное представление о происходившем в эпоху холодной войны.

После развала Советского Союза появилась возможность получить более полную картину. Хотя диссиденты из ЕХБ, исключенные или самостоятельно вышедшие из ВСЕХБ, и утверждали, будто бы они были единственными, кто пострадал от рук властей, многие верующие, оставшиеся в составе зарегистрированных церквей, подвергались дискриминации в высших учебных заведениях и на работе. Например, некоторые женщины, быв-

44. Мнение Бурдо по этому вопросу было отчасти сформировано различными отчетами, которые он получал (и продолжит получать) от верующих в СССР. См., например, Bourdeaux, M. *Religious Ferment*, pp. 105–113 (1965), 119–124 (1966); Bourdeaux, M. *Patriarch and Prophets*, pp. 189-194 (фрагменты из письма Якунина и Эшлимана Подгорному от 15 декабря 1965). См. также Xenia Dennen (23 May 2013), “Keston Institute: KGB’s Bête Noire,” Gresham Lecture (London: Gresham College), 2-3.

45. Например, многочисленные сообщения в «Журнале Московской Патриархии» с 1965 по 1967 гг., опубликованные сразу после репрессий Почаевских монахов с 1960 по 1965 гг., описывали ситуацию в Лавре как нормальную и даже похвальную: Журнал Московской Патриархии, октябрь 1965; ноябрь 1965; декабрь 1966; ноябрь 1967. Бурдо (*Patriarch and Prophets*, p. 116) цитирует два подобных выпуска.

шие членами зарегистрированных общин ЕХБ в Сибири, столкнулись с различными формами давления и репрессий в ВУЗах или на работе, включая насмешки, допросы, штрафы, открытые угрозы от партийных функционеров, попытки вербовки в информаторы КГБ или товарищеские суды[46]. Подобные профилактические меры воздействия использовались против этих женщин (и их единоверцев) на индивидуальной основе с шестидесятых и вплоть до конца восьмидесятых годов. Таким образом, те, кто якобы скомпрометировал свою веру, оставаясь в церкви, возглавляемой теми, кого баптистские диссиденты называли «приспособленцами», тоже столкнулись с репрессиями за веру.

Между тем, религиозные диссиденты, которые решительно выступали против государства и официальной церкви — и которые *действительно* пострадали от львиной доли допросов, арестов, показательных судов и тюремных заключений, — как правило, настолько упорствовали в своем сопротивлении, что это приводило к сужению их богословских воззрений. Это заметно из воспоминаний отца Александра Меня (1935–1990). Вокруг него сложился круг священников и мирян, среди которых в начале шестидесятых годов были Якунин и Эшлиман, и даже предложил написать письмо, в котором бы выражалась обеспокоенность по поводу последствий Архиерейского собора 1961 г. и перегибов в антирелигиозной кампании. Мень подозревал, что Феликс Карелин (1925–1992), вращавшийся в их кругу, помогал Якунину и Эшлиману в написании их пространных догматических писем в 1965 г. Мень, считавший письма своих друзей неэффективными и несвоевременными — ведь, Хрущев больше не был у власти, — впоследствии сетовал, что после написания этих писем и последующего запрещения в их священнослужении Якунин и Эшлиман, вместе с мирянином Львом Регельсоном (1939 г.р.) и другими, на несколько лет были вовлечены Карелиным в фанатичный апокалиптизм[47]. Опять же, воспоминания Меня о шести-

46. Интервью, проведенные автором (Brandeis University Institutional Review Board #14165): Анна Степановна, Омск, 11 декабря 2014 г.; Надежда Александровна, Омск, 13 декабря 2014 г.; Людмила Владимировна, Омск, 16 декабря 2014 г.; Валентина Александровна, Минусинск, 10 марта 2015 г.; Октябрина Петровна, Красноярск, 19 марта 2015 г.; Мария Матвеевна, Новосибирск, 29 апреля 2015 г.; Елена Владимировна, Омск (о жизни в Благовещенске), 4 июня 2015 г.

47. Мень считал, что Карелин, которого «подослал либо ГБ, либо сатана», вел его знакомых «в сторону какого-то патологического фанатизма». *Мень, А.* (2007) «Вспоминаю 60-е годы» // О себе: Воспоминания, интервью, беседы, письма. Москва: Фонд им. Александра Меня. С. 169, 157.

десятых годах — воспоминания, которыми он поделился с другом спустя пять-десять лет после этих событий — не были известны на Западе вплоть до девяностых годов, так что ни Бурдо, ни кто-либо другой на Западе не мог знать ничего о внутренней работе кружка священников и мирян, к которому принадлежали в начале шестидесятых годов Якунин, Эшлиман и ряд других людей, в том числе священник Дмитрий Дудко (1922–2004) и Анатолий Краснов-Левитин, при поддержке епископа Ермогена[48]. Зато об этом был осведомлен уполномоченный Московской области Совета по делам религий А. Трушин. В его сообщении о тех священниках и верующих, выступивших против письма Якунина и Эшлимана 1965 г. (включая Патриарха, который, как сообщается, заявил 13 мая 1966 г., что их деятельность была «вредной для церкви»), содержится информация о наличии круга священников и мирян и, что неудивительно, трактовал их деятельность как подрывная и незаконная[49].

Центр по изучению религии и коммунизма в контексте холодной войны

Оценка Трушина вполне предсказуема: ведь он был чиновником в СССР, церковная политика которого опиралась на «концептуальную идею марксизма-ленинизма о несовместимости религии и социализма»[50]. В самом деле, марксизм-ленинизм определялся «как прямая противоположность религии»[51]. Учитывая эту внутреннюю советскую идеологическую реальность, а также недоверие, которое большинство западных религиозных институтов испытывали к коммунизму, конфликт ценностей между советским государством и западными религиозными институтами, проявившийся в годы Холодной войны, был неизбежен. Бурдо и его организация, с первых лет ее существования сначала в качестве Центра, а далее в формате Кестон-колледжа, регулярно напоминали

48. Там же, с. 97-178.

49. ЦГАМО Ф. Р-7383, Оп. 3, Д. 55, Лл. 26-30 (1966). Книга Бурдо (*Patriarch and Prophets*, pp. 226-7) содержит выдержки из того же патриархального заявления, которое цитирует Трушин.

50. Chumachenko, Tatiana (2002) *Church and State in Soviet Russia: Russian Orthodoxy from World War II to the Khrushchev Years*, edited and translated by Ed Roslof, p. 193. New York: Taylor and Francis.

51. Thrower, James (1983) *Marxist-Leninist "Scientific Atheism" and the Study of Religion and Atheism in the USSR*. Religion and Reason 25, p. 131. Berlin: Mouton.

об этом конфликте ценностей и подпитывали его. Таким образом, последующее рассмотрение значимости этой организации в период Холодной войны должно затронуть недоверие ее исследователей к коммунизму, особенно в его марксистско-ленинской форме, а также их религиозную веру, особенно в связи с тем, какое влияние она оказывала на их деятельность по отстаиванию религиозной свободы.

Как было показано выше, пропагандисты КПСС рассматривали Центр как «место сбора для воинствующих церковников во имя борьбы с коммунизмом»[52]. Действительно, основатели центра, из которых лишь один был священнослужителем, не слишком уважали тот тип коммунизма, за который выступали члены КПСС. По словам Бурдо, сэр Джон Лоуренс обычно говорил: «Коммунизм — это фасад. Это как колода карт. Если вы построите дом из [карт] и вытащите из него одну карту, вся колода обрушится. Коммунизму грозит обрушение еще при моей жизни. И я буду жить, чтобы увидеть это»[53]. Он умер в 1999 году, и его пророчество сбылось (по крайней мере, в отношении Советского Союза). Профессор Леонард Шапиро был экспертом по советскому коммунизму, он считал его «тоталитаризмом» и утверждал, что правление Сталина было логическим продолжением правления Ленина. До того, как начать заниматься наукой, он в течение шестнадцати лет работал юристом и был сторонником «классического либерализма», то есть учения, согласно которому «большую значимость имеют правовые гарантии защиты от посягательств государства на права граждан, чем потребности общества в защите от подрывной деятельности индивидов»[54]. Ксения (Говард-Джонстон) Деннен, на протяжении многих лет работавшая с Шапиро и бывшая его ученицей, рассказывает о том, что она «не переносила марксизм-ленинизм, ... что это *не* марксизм, ... [но] опасная доктрина, провозглашающая, что цель оправдывает средства, [ведущая] к разрушению человеческих жизней, разрушению общества и разрушению политических институтов»[55].

52. См. прим. 1.

53. Бурдо, интервью (2016).

54. Kelly, Aileen M. (1998) “Leonard Schapiro’s Russia”, in *Toward Another Shore: Russian Thinkers Between Necessity and Chance*, pp. 29-30. New Haven: Yale University Press.

55. Деннен, интервью (2016).

Авторы рецензии на книгу Бурдо 1971 г. «Вера под следствием в России» обвинили его в «подрыве собственного авторитета» по причине необъективности, которая привела к «излишне упрощенному превознесению высшей моральной добродетели христиан и осуждению кровожадного злодейства коммунистов» и к «игнорированию коммунистической точки зрения» и любых оправданий, которые коммунисты могли предоставить в ответ на «обвинения в гонениях»[56]. На самом деле, хотя в более ранних книгах Бурдо («Частица религиозной России» и «Патриарх и пророки») и была отчасти представлена точка зрения коммунистов, целью автора было в первую очередь дать слово верующим, которые сталкиваются с репрессиями. Бурдо был убежден в том, что Запад уже и так достаточно слышит голоса официальной церкви и коммунистических пропагандистов и зачастую верит им[57]. Поэтому, несмотря на твердую позицию по поводу коммунизма, Центр не ставил своей основной целью реальное изучение коммунизма. По этой причине во второй половине семидесятых годов Совет по управлению организацией решил сменить название на Кестон-колледж. Первоначальное название «действительно вводило в заблуждение: члены Центра изучали не марксизм-ленинизм или коммунизм как таковые», но *религию* при коммунизме[58].

Для Бурдо, Говард-Джонстон и других создателей и сотрудников Кестон колледжа их собственная религиозная вера была мотивирующим фактором в исследованиях религии в коммунистических странах[59]. Как видно из написанного выше, Бурдо был убежден — сам Бог призвал и направил его «служить голосом» верующих за «железным занавесом», и история его встречи с Варраввой и Прониной в Москве в 1964 г. утвердилась в качестве основополагающего момента в создании Кестона[60]. Утверждая,

56. Scanlan, James P. (1972) "Review of Bourdeaux's *Faith on Trial in Russia*", *Slavic Review* 31(2): 442-3; I.M.S. (19 November 1971) "Writer ignores communist view on freedom", *Weekly Herald*, находится в: KCRPS, Box W-89.1, Folder "Writing — Faith on Trial, Revisions & Publicity."

57. Бурдо, интервью (2016).

58. Ibid.; Бурдо, неопубликованные мемуары.

59. См. также: Hurst, M. "From Toothache to Keston, via Moscow", pp. 142–3.

60. Bourdeaux, Michael (1983) *Risen Indeed: Lessons in Faith from the USSR*. London: Darton, Longman, and Todd; Robertson, Jenny (1984) *Be Our Voice: The Story of Michael Bourdeaux and Keston College*, pp. 24–28. London: Darton, Longman, and Todd; Hurst, 118–19; "Keston's first quarter-century" (1994), brochure, pp. 6–7. Oxford:

что вера играла «абсолютно центральную» роль в работе Кестона, Ксения (Говард-Джонстон) Деннен вспоминает, как сэр Джон Лоуренс, «глубоко верующий христианин» и лидер англиканских мирян, «черпал вдохновение у христиан Советского Союза». Она наблюдала это своими глазами, когда несколько раз приезжала в Советский Союз с Лоуренсом в начале семидесятых годов. По ее словам, «душой» их организации была «верность свидетельству Церкви, признание и понимание которого важно для всего мира»[61].

По словам Бурдо, сотрудники Кестона считали себя самоотверженными защитниками религиозной свободы и сторонниками Всеобщей декларации прав человека ООН (1948)[62]. Размышляя о баптистах-диссидентах шестидесятых-семидесятых годов, Деннен говорила, что исследователи Кестона пытались не столько принять чью-либо сторону, сколько «донести весьма существенные критические замечания [СЦ ЕХБ] ... относительно [советского] законодательства и того, что разделение церкви и государства не было доведено до конца: контроль над церковью [и] вмешательство в дела церкви имели место повсеместно и постоянно, [несмотря на] заверения [советского государства] о поддержке свободы совести»[63]. По словам Сони Люрманн, масштабная работа Кестона по «сбору, переводу и цитированию» религиозного диссидентского самиздата имела целью «побудить западные правительства и международные организации, такие, как Всемирный совет церквей, озаботиться проблемами, с которыми сталкиваются верующие в социалистических государствах, и начать отстаивать их права в ходе встреч с советскими политиками»[64]. По этой причине Бурдо был необыкновенно рад, когда накануне подписания Хельсинкских соглашений британские политики начали обращать внимание на его работу по правам челове-

Keston Institute. Бурдо также упоминает эту историю в своих неопубликованных мемуарах.

61. Деннен, интервью (2016).

62. Бурдо, интервью (2016).

63. Деннен, интервью (2016).

64. Leuhrmann, Sonja (2015) “Counter-Archives: Sympathy on Record”, in *Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge*, p. 137. New York: Oxford University Press. См. информационную брошюру со множеством примеров подспудной критики молчания ВСЦ о нарушении прав человека в СССР: Michael Bourdeax, Hans Hebly and Eugen Voss (10 August 1976) “Religious Liberty in the Soviet Union: WCC and USSR: a post-Nairobi documentation”, in KCRPS, Box W-86.1, GEN 15/11 Centre for the Study of Religion & Communism, Folder 5 of 7.

ка. В 1974/1975 гг. Бурдо долго беседовал с премьер-министром Гарольдом Вильсоном о нарушениях прав человека в Советском Союзе. Премьер-министр поручил Бурдо подготовить доклад на эту тему и сказал, что постарается упомянуть имена из этого доклада (Георгий Винс, Эрнст Неизвестный, Петрас Плумпа и Андрей Твердохлебов) в своих последующих беседах с представителями советского правительства[65].

Люрманн пишет, что твердая цель Кестона — быть рупором для тех, чьи голоса оказались заглушены, — служила «задачам холодно-военного заступничества» и что составление «контрархива» религиозного самиздата было «своеобразной документальной гонкой вооружений»[66]. Однако в этой специфической гонке вооружений Кестон делал упор не столько на задаче познания врага, сколько — на познании друзей, то есть братьев-верующих, находившихся за «железным занавесом». Кестон пытался донести до мира то, как враг обращается с его друзьями. При этом сотрудники Кестона сознательно дистанцировались от Ричарда Вурмбранда (1909-2001), румынского пастора, основателя «Голоса мучеников», который постоянно обсуждал гонения на так называемые «катакомбные церкви». В Кестоне утверждали, что большинство верующих в Советском Союзе почитали Бога смело и открыто, несмотря на жесткие ограничения, с которыми сталкивались многие из них[67].

Для Бурдо важнейшим элементом религиозного фронта Холодной войны была необходимость мобилизовать Запад, и особенно церкви на Западе, против того, что в Кестоне считали массированной стратегической международной советской пропагандой. Признавая, что «Кестон родился в атмосфере острого разногласия», Бурдо вспоминает:

> [В Великобритании] было огромное количество людей ... на очень видных постах, которые считали, что коммунизм — это данность, с которой можно лишь договариваться. Да, были некоторые нарушения прав человека, но в результате реальных переговоров Советский Союз должен был стать лучше... Эти люди не знали

65. Министр иностранных дел Дэвид Оуэн в конце 1970-х годов также консультировался у Бурдо по вопросам прав человека. Это же делала премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер в начале-середине 1980-х годов. Бурдо, неопубликованные мемуары; Бурдо, интервью (2016).

66. Leuhrmann, S. “Counter-Archives: Sympathy on Record”, p. 137.

67. Деннен, интервью (2016).

> о гонениях на религию при Хрущеве, я стал непопулярен именно в силу того, что у меня были документальные подтверждения этому. Многие люди вообще не верили тому, что я написал... Коммунисты — в том числе британские коммунисты — утверждали, что никаких религиозных гонений нет. Также считали видные англиканские священники, чей голос имел вес. Пол Острайхер был назначен Британским советом церквей, нашим местным отделением Всемирного совета церквей, ответственным за контакты с восточноевропейскими церквами; в те дни он не отрицал, что гонения были; он считал, что это не важно. Важно, что Советский Союз улучшается. ... «Социализм с человеческим лицом» — такова была позиция Пола Острайхера»[68].

В 1968 г. во время дебатов на радио BBC между Полом Острайхером (1931 г.р.), англиканским священником, и Ричардом Вурмбрандом первый утверждал, что причиной, по какой ВСЦ предпочел не осуждать религиозные гонения в коммунистических странах, было опасение, что это «укрепит коммунистов в мысли, что христиане ополчились против них». Вместо того, чтобы концентрироваться на «ужасных вещах», которые пережили люди, продолжил Острайхер, мы должны спросить себя: «Могут ли христиане и коммунисты жить мирно, начав доверять друг другу ... [и] признав, что как те, так и другие работают на благо человечества?»[69] Острайхер определенно доверял коммунизму гораздо больше, чем Бурдо или его коллеги. Фактически Острайхер и Бурдо отстаивали две разные модели, касающиеся религиозной ситуации на Востоке: первый выступал за дипломатический подход, второй — за активистский.

В середине 60-х гг., когда Острайхер учредил Консультативный комитет по взаимоотношениям между Западом и Востоком при Британском совете церквей, он пригласил сэра Джона Лоуренса и Майкла Бурдо присоединиться к этому комитету[70]. По воспоминаниям Бурдо, в течение 20 лет он и сэр Джон Лоуренс составляли «меньшинство из двоих» в море «левых» ставленников Острайхера, считавших, что диалог между христианами и комму-

68. Бурдо, интервью (2016).

69. KCRPS, Box W-85.2 “Communism & Christianity Research (1961–1977)” / GEN 15/3.1 “Communism & Christianity up to 1970,” folder 2 of 3.

70. Записи о собрании в феврале 1966 года, которое возглавил Острайхер и которое, вероятно, стало отправной точкой для этого комитета, см.: Там же.

нистами — это магистральный путь развития[71]. Размышляя о контексте Холодной войны, Бурдо описывает те личные потери, с которыми оказалось связано отстаивание своей точки зрения:

> Я думаю, что [Кестон-колледж] это в самом прямом смысле дитя Холодной войны. Но при этом мы не были запятнаны идеологией Холодной войны, хотя Пол Острайхер и Всемирный совет церквей смотрели на нас иначе. Шла постоянная борьба за то, чтобы наши слова не расходились с делами. Я сильно переживал по поводу того, что братья-христиане обрушивались на нашу работу с критикой[72].

Таким образом, линия фронта проходила не только между Востоком и Западом, но и между различными религиозными группами на Западе. Со своей стороны Кестон-колледж никогда не колебался в своей решимости «быть голосом» тех верующих, чью повседневную жизнь отравляла дискриминационная политика и практика атеистического государства.

Марк Хёрст убедительно показал, что организация Бурдо была частью более широкого поля британских правозащитных организаций, работавших во время холодной войны. Он проанализировал три этапа развития, через которые прошли подобные организации. Во-первых, как и другие группы по правам человека, Центр был учрежден в шестидесятые годы. Хотя до 1969 г. эта организация официально не существовала, Бурдо активно занимался публицистикой на протяжении всего десятилетия. Во-вторых, Центр, который в 1974 году носил название Кестон-колледж, как и другие схожие организации, пережил «экспертный бум», связанный с ростом спроса на информацию в области религии в СССР. Наконец, как и другие правозащитные организации, Кестон-колледж пошел на риск и с середины семидесятых до середины восьмидесятых быстро расширял фронт своей работы несмотря на постоянные финансовые проблемы[73].

В данной статье описан первый из этих трех описанных этапов: работа Бурдо в шестидесятые годы, а также создание и первые годы существования Центра до 1975 г. Наш анализ позволяет утверждать, что Бурдо и его вновь возникшая организация

71. Бурдо, интервью (2016).

72. Там же.

73. Hurst, M. *British Human Rights Organizations*, pp. 1–9, 115–46.

сыграли огромную роль на религиозном фронте холодной войны в годы, предшествовавшие подписанию Хельсинских соглашений. С 1975 г. и до распада СССР в 1991 г. Кестон-колледж получил еще большее признание в качестве источника информации о религиозной ситуации в странах Восточной Европы. Критики продолжали утверждать, будто бы Кестон не достаточно «объективен», в то время как сам Кестон продолжал настаивать на том, что его исследователи всеми силами стараются держать высокую планку научной строгости и объективности. В 1984 г. Бурдо получил премию Темплтона (в числе предыдущих победителей — мать Тереза и Александр Солженицын), что подняло статус Кестона еще выше. Даже сейчас, хотя Кестон-колледж больше не существует как научно-исследовательский центр (это тема для отдельной статьи), его архивные материалы размещаются в Кестонском центре по изучению религии, политики и общества в Бэйлорском университете (Уэйко, штат Техас), где исследователи со всего мира имеют возможность получить к ним доступ. Таким образом, наследие этой организации, пережившей свой расцвет во времена холодной войны, продолжает снабжать ученых сведениями о религиозных общинах в постсоветской России.

Перевод с английского Дарьи Блиновой

Библиография / References

Архивные материалы

Архив Кестонского центра по изучению религии, политики и общества (KCRPS), Box W-88.1 “Bourdeaux Writings and correspondence, etc.”

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС (1949–1991 гг.).

РГАНИ Ф. 89. Коллекция копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в процессе научно-исследовательской работы

Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО) Ф. Р-7383

Литература

Мень А. «Вспоминаю 60-е годы» // О себе: Воспоминания, интервью, беседы, письма. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2007.

«Письмо Святейшего Патриарха Алексия д-ру Артуру Михаилу Рамзею, Архиепископу Кентерберийскому, Примату всей Англии и Митрополиту» // Журнал Московской Патриархии. 1966. № 6.

Синичкин А.В. История евангельских христиан-баптистов в СССР с декабря 1959 по 1966 год (История и анализ кризиса в братстве ЕХБ). Дипломная работа.

Москва: Московская Богословская Семинария Евангельских христиан-баптистов, 2001.

Чумаченко, Т.А. Государство, православная церковь, верующие, 1941–1961 гг. Москва: АИРО–XX, 1999.

Archival sources

Archive of KCRPS, Box W-88.1 "Bourdeaux Writings and correspondence, etc."

Russian State Archive of Newest History

Fund. 5. Apparatus of Central Committee of Communist Party (1949–1991)

Fund. 89. Collection of copies of documents declassified during the execution of thematic queries during research work

Central State Archive of Moscow Region. Fund R-7383.

Literature

Boiter, Albert (1972) "Samizdat: Primary Source Material in the Study of Current Soviet Affairs", *The Russian Review* 31(3): 282–285.

Bourdeaux, Michael (1965) *Opium of the People*. London: Faber & Faber.

Bourdeaux, Michael (1968) *Religious Ferment in Russia: Protestant Opposition to Soviet Religious Policy*. London: Macmillan.

Bourdeaux, Michael (1969) *Patriarch and Prophets: Persecution of the Russian Orthodox Church Today*. London: Macmillan.

Bourdeaux, Michael (1971) *Faith on Trial in Russia*. New York: Harper & Row.

Bourdeaux, Michael (1983) *Risen Indeed: Lessons in Faith from the USSR*. London: Darton, Longman, and Todd.

Bourdeaux, Michael (1985) "The Russian Church, Religious Liberty, and the World Council of Churches", *Religion in Communist Lands* 13(1): 4–27.

Chumachenko, T.A. (2002) *Church and State in Soviet Russia: Russian Orthodoxy from World War II to the Khrushchev Years*. Edited and translated by Ed Roslof. New York: Taylor and Francis.

Chumachenko, T.A. (1999) *Gosudarstvo, pravoslavnaia tserkov', veruiushchie, 1941–1961 gg*. [State, Orthodox Church and Believers, 1941–1961]. Moskva: AIRO–XX.

Cviic, K.F. (1979) "The Politics of the World Council of Churches", *The World Today* 35(9): 369–76.

Ellis, Jane (1986) *Russian Orthodox Church: A Contemporary History*. Bloomington: Indiana University Press.

Gill, Jill K. (2003) "The Decline of Real Ecumenism: Robert Bilheimer and the Vietnam War", *The Journal of Presbyterian History* 81(4): 242–263.

Howard-Johnston, Xenia (1973) "Editorial", *Religion in Communist Lands* 1(1): 6–7.

Howard-Johnston, Xenia, and Rosemary Harris (eds.) (1969) *Christian Appeals from Russia*. Introduced by Michael Bourdeaux. London: Hodder and Stoughton.

Howard-Johnston, Xenia, and Michael Bourdeaux (eds.) (1972) *Aida of Leningrad: The Story of Aida Skripnikova*. London: Mowbrays.

Hurst, Mark. (2016) "From Toothache to Keston, via Moscow: Michael Bourdeaux and the Centre for the Study of Religion and Communism", in *British Human Rights Organizations and Soviet Dissent, 1965–1985*, pp. 115–146. London: Bloomsbury.

Karetnikova, M.S. (2004) *Almanakh po istorii russkogo baptizma [Anthology for the History of Russian Baptism]*. Vypusk 3. SPb: «Bibliia dlia vsekh".

Kelly, Aileen M. (1998) "Leonard Schapiro's Russia", in *Toward Another Shore: Russian Thinkers Between Necessity and Chance*, pp. 25–33. New Haven: Yale University Press.

Lefever, Ernest (1979) *Amsterdam to Nairobi: The World Council of Churches and the Third World*. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center.

Lefever, Ernest (1988) *Nairobi to Vancouver: The World Council of Churches and the World, 1975–1987*. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center.

Leuhrmann, Sonja (2015) "Counter-Archives: Sympathy on Record", in *Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge*, pp. 134–161. New York: Oxford University Press.

Lodberg, Peter (1999) "World Council of Churches", *Kirchliche Zeitgeschichte* 12(2): 527-536.

Men', A. (2007) "Vspominaiu 60-e gody" ["Recollecting the 60-s"], in *O sebe: Vospominaniia, interv'iu, besedy, pis'ma*. Moskva: Fond im. Aleksandra Menia.

"Pismo Sviateishego Patriarkha Aleksiia d-ru Arturu Mikhailu Ramzeiu, Arkhiepiskopu Kenterberiiskomu, Primatu vsei Anglii i Mitropolitu" [Letter from the Patriarch of Moscow Alexey to Dr. Arthur Michael Ramsey, Archbishop of Canterbury, the Head of All Church of England] (1966), *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* 6.

Robertson, Jenny (1984) *Be Our Voice: The Story of Michael Bourdeaux and Keston College*. London: Darton, Longman, and Todd.

Simon, Gerhard (1974) *Church, State, and Opposition in the USSR*. Translated by Kathleen Matchett, in collaboration with the Centre for the Study of Religion and Communism. Berkeley: University of California Press.

Thrower, James (1983) *Marxist-Leninist "Scientific Atheism" and the Study of Religion and Atheism in the USSR*. Religion and Reason 25. Berlin: Mouton.

Ucko, Hans (2010) "Ecumenism and Interreligious Dialogue", in Leo Kenis, Jaak Billiet, and Patrick Pasture (ed.) *The Transformation of the Christian Churches in Western Europe (1945–2000)*, pp. 221–35. Leuven: Leuven University Press.

Wood, James E., Jr. (1968) "Religious Liberty in Ecumenical and International Perspective", *Journal of Church and State* 10(3): 421–36.